

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 34–46.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 2 (119), pp. 34–46.

Научная статья
УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-3>
EDN: CNVELD

**Роль образов языка и вина в создании художественного пространства
национальной культуры
(на материале лирики О. Э. Мандельштама)**

Анастасия Анатольевна Голубева
Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
nastyagolubeva.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7024-333X>

Аннотация. Основным мотивом творчества О. Э. Мандельштама является мотив «тоски по мировой культуре». Важными средствами приобщения к культуре для поэта были национальный язык и национальная винная культура. Цель исследования – проанализировать образы языка и вина в поэтических текстах О. Э. Мандельштама, воспроизводящих художественное пространство «чужих» культур. Научная новизна работы связана с использованием лингвокультурологического подхода для интерпретации поэтических образов. Мотивы и способы речевой реализации образов выявляются на примере античной и немецкой культуры при помощи методов описательного, контекстуального и интертекстуального анализа. В результате исследования выясняется, что образы языка и вина в творчестве О. Э. Мандельштама объединяет культурно-атрибутивная функция и вербализация при помощи похожих фонетических и лексических приемов.

Ключевые слова: О. Э. Мандельштам, лингвистическая поэтика, образ языка, образ вина, лингвокультурология, «чужая» культура

Для цитирования: Голубева А. А. Роль образов языка и вина в создании художественного пространства национальной культуры (на материале лирики О. Э. Мандельштама) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 34–46.
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-3>

**The role of language and wine images in the development of the artistic space of
national culture (based on the lyrics by O. E. Mandelstam)**

Anastasia A. Golubeva
Vologda State University,
Vologda, Russia
nastyagolubeva.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7024-333X>

Abstract. The main motive of O. E. Mandelstam's work is the motive of "longing for world culture". The national language and national wine culture were important means for the poet to get acquainted

with culture. The purpose of the study is to analyse the images of language and wine in O. E. Mandelstam's poetic texts reproducing the artistic space of alien cultures. The scientific novelty of the work is connected with linguocultural approach taken to the interpretation of poetic images. Motives and speech realisation of images are revealed on the example of ancient and German culture applying methods of descriptive, contextual and intertextual analysis. The study reveals that language and wine images in O. E. Mandelstam's work are united by the cultural-attributive function and verbalisation by means of similar phonetic and lexical techniques.

Keywords: O. E. Mandelstam, linguistic poetics, image of language, image of wine, linguoculturology, foreign culture

For citation: Golubeva A. A. The role of language and wine images in the development of the artistic space of national culture (based on the lyrics by O. E. Mandelstam). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 2 (119), pp. 34–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-3>

Введение

Одна из причин растущего внимания читательской аудитории к поэзии О. Э. Мандельштама состоит в том, что за каждым его стихотворением скрывается не просто поэт, а ученый-гуманитарий широкого профиля. Метапоэтичность мышления О. Э. Мандельштама, поэтика синтеза, свойственная его произведениям, были отмечены еще первыми мандельштамоведом (современниками поэта – участниками ОПОЯЗа – и их учениками). Так, В. М. Жирмунский называл его стихи «поэзией поэзии» (“die Poesie der Poesie”), т. е. поэзией, имеющей своим предметом не жизнь, непосредственно воспринятую самим поэтом, а чужое художественное восприятие жизни¹. Ученик В. М. Жирмунского – Н. Я. Берковский – отмечал культурно-исторический подход О. Э. Мандельштама к описанию не только культурно-значимых явлений, но и бытовых реалий, называя поэта «философом истории, историографом, мыслящим исторический процесс сжатою символикой словесных образов»². Несмотря на отмеченную первыми мандельштамоведом необходимость изучения культурологических и литературоведческих аспектов поэтики О. Э. Мандельштама, результаты их исследований, комментаторско-интерпретационные разработки более поздних мандельштамоведов, ряд проблем, связанных с трактовкой отдельных образов в рамках реализации темы «Мандельштам и “тоска по мировой культуре”», остается нерешенным. Недостаточное внимание уделяется лингвистическому аспекту темы. Данная научная работа призвана отчасти восполнить этот пробел.

Объектом настоящего исследования является лирическое творчество О. Э. Мандельштама, а предметом – мотивы и способы речевой реализации образов языка и вина в его поэтических текстах, воспроизводящих художественное пространство «чужих» культур. Цель исследования состоит в выявлении и описании функцио-

¹ Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. С. 123.

² Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. Москва: Советский писатель, 1989. С. 36.

нального смысла образов языка и вина и средств их вербализации. Цель предполагает решение следующих задач:

- 1) выделить в творчестве О. Э. Мандельштама тексты, образно-тематический и мотивный строй которых связан с воспроизведением пространства «чужих» культур;
- 2) выделить фрагменты текстов, в которых реализуются образы языка и вина;
- 3) определить функции образов языка и вина в контексте реализации темы «тоски по мировой культуре»;
- 4) охарактеризовать средства речевой реализации образов языка и вина в лирике О. Э. Мандельштама.

Основная часть

Каждый текст О. Э. Мандельштама метапоэтичен. Культурологические истоки творчества поэта исследователи связывают с особенностями его биографии. Семья поэта была мультикультурной: отец – купец первой гильдии, еврей, стремящийся сбежать от талмудической культуры в мир немецкого Просвещения; мать – профессиональный музыкант и (несмотря на польское происхождение) большая ценительница русской литературы и культуры. Поэт рос в многоязычной среде, с детства его окружали русский, немецкий, польский языки, а также идиш. О. Э. Мандельштам ценил стремление родителей к постижению культуры, но в то же время осознавал их недостаточную культурную образованность¹. Их потребность в приобщении к культуре (русской – со стороны матери и немецкой – со стороны отца) поэт воспринимал как первый шаг по направлению к выходу из «хаоса иудейского»². Дальнейшие шаги ему необходимо было предпринимать самостоятельно. Еврейское происхождение, принадлежность к классу разночинской интеллигенции – факторы, породившие острую потребность в культурной укорененности. Выбор культуры, по точному замечанию М. Л. Гаспарова, стал для О. Э. Мандельштама «актом личной воли»³. Решение проблемы поиска культурного образца определило интересы и поступки, выбор профессионального и творческого пути поэта: обучение в крупных европейских университетах (Гейдельберг и Сорбонна), путешествия по Европе и на Кавказ, переводческая деятельность и разработка ее теоретических аспектов, интерес к «чужим» культурам и их главным компонентам – языку и литературе (как особой форме его существования).

Потребность О. Э. Мандельштама к приобщению к памятникам мировой культуры проявилась довольно рано. Об этом младший брат поэта Е. Э. Мандельштам в мемуарах пишет следующее: «Интересы Осипа определились рано. Сызмальства, по призванию, он был гуманитарием и теоретиком, и все точные науки и практические занятия вызывали у него раздражение и усталость. Он любил географию, историю, естествознание (стихи о Ламарке), языки. Но, конечно, главнейшим из всего для не-

¹ Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4 т. Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. Т. 2. 1993. С. 384 (здесь и далее тексты Мандельштама цитируются по этому изданию).

² Там же. С. 354.

³ Гаспаров М. Л. Избранные статьи. О стихе. О стихах. О поэтах. Москва: Новое литературное обозрение, 1995. С. 328.

го была литература. И занятия ею очень скоро вышли за рамки училищного курса»¹. В дальнейшем в автобиографической повести «Шум времени» О. Э. Мандельштам выскажет тезис о том, что биография разночинца сводится к списку прочитанных им книг², а его серьезная увлеченность литературой выльется в поэтику реминисценций³. Здесь среди русских поэтов О. Э. Мандельштаму сложно найти равных. «Чужое» слово, уводящее читателя в сокровищницу единой мировой культуры – то, что он всегда сознательно вводит в свои произведения, постоянно осуществляя метаязыковую рефлекссию.

Темы и образы произведений О. Э. Мандельштама находятся в теснейшей связи с его культурософскими и историко-литературными воззрениями. Поэт при создании художественных образов действует как критик, литературовед, культуролог. Он пытается выстроить системные отношения между объектами культуры, культурами отдельных наций и культурными эпохами, размышляет над их культурно-исторической ролью. По точному замечанию Н. Я. Берковского, для О. Э. Мандельштама важна культурная, историческая принадлежность каждой вещи: «Каждую птаху, большую или маленькую, он должен положить обратно в культурное гнездо, из которого она выпала»⁴. Анализ корпуса текстов поэта позволяет выделить ряд культурно-исторических гнезд, к которым О. Э. Мандельштам был особенно внимателен: античная культура (Древняя Греция, Рим, примыкающие к ним Крым и Кавказ), французская культура, итальянская культура эпохи Возрождения и немецкая культура.

Любовь к искусству и широкая гуманитарная образованность позволили поэту с легкостью проникать в «чужие» культуры и воссоздавать их образы в своем творчестве. Насчитывается более десяти культур, характеризующихся О. Э. Мандельштамом в стихах и прозе, среди них: немецкая, итальянская, французская, английская, русская, украинская, армянская и др.⁵

Анализ набора текстов, посвященных отдельной культуре, позволяет сделать вывод о комплексном подходе О. Э. Мандельштама к формированию образа «чужой» культуры. Для поэта важны следующие компоненты образа национальной культуры: язык нации, история нации, национальная архитектура, национальная литература, национальная музыка, религия нации, природа, географическая среда, а также чув-

¹ Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–178.

² Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. Т. 2. 1993. С. 384.

³ Киришбаум Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9; Гаспаров М. Л. Избранные статьи. О стихе. О стихах. О поэтах. Москва: Новое литературное обозрение, 1995. С. 336; Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 16.

⁴ Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. Москва: Советский писатель, 1989. С. 297.

⁵ Голубева А. А. Образ национальной культуры в поэзии О. Э. Мандельштама // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции: в 3 т. (Вологда, 20–21 апреля 2021 г.) / составитель Л. А. Юшкова. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. Т. 3. С. 147.

ства и эмоции, порождаемые пространством страны (географическим или культурным)¹. При этом нельзя говорить о присутствии всего набора компонентов в каждом тексте, воспроизводящем образ отдельной культуры. Они рассредоточены по всему набору текстов тематического блока. В конкретном же тексте для воссоздания пространства той или иной культуры О. Э. Мандельштаму часто бывает достаточно двух-трех емких деталей².

В данном исследовании мы сосредоточили внимание на деталях, связанных с поэтическими образами языка (включая литературу как особую форму его существования) и вина. Повышенное внимание к этим образам связано, прежде всего, с особым отношением О. Э. Мандельштама к ним, нашедшим отражение в его поэзии, прозе, эссеистике. Об их значимости для поэта говорит частая повторяемость данных образов при создании пространства той или иной художественной культуры и выстраивание со- и противопоставлений отдельных культур на базе со- и противопоставлений обозначенных элементов.

В разных текстах образы языка и вина реализуются при помощи разных лексических средств, однако их семантическая целостность обеспечивается причастностью к реализации мотива приобщения к культуре. Сосуществование образов языка и вина может быть представлено в рамках одного фрагмента текста: «Я не слышал рассказов Оссиана, / Не пробовал старинного вина...». В данном фрагменте «рассказы Оссиана» и «старинное вино» являются объектами иллюзорного обладания культурными ценностями и вводятся через конструкцию отрицания (характерный для О. Э. Мандельштама прием)³.

Образы языка и вина соприкасаются также при включении в поэтический текст алконима, представляющего собой заимствование с характерными для языка-оригинала фонетическими свойствами: *рейнвейн, мозельвейн, шерри-бренди, асти-спуманте* и др. Вкус вина и «вкус» речи соединяются в одном участке человеческого тела. Для еды и для речи человек использует мышцы рта (ср. мысль, высказанную О. Э. Мандельштамом в программном эссе «Разговор о Данте» при анализе 32-й песни «Ада»: «Тут вскрывается новая связь – еда и речь <...> Артикуляция еды и речи почти совпадают...»). Лирический герой О. Э. Мандельштама, таким образом, осуществляет одновременно материальное (пробуя вино) и ментальное (пробуя «на вкус» слова «чужого» языка) приобщение к культуре. С этой мыслью связано и сознательное употребление Мандельштамом одной из самых «широко распространен-

¹ Голубева А. А. Образ национальной культуры в поэзии О. Э. Мандельштама // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции: в 3 т. (Вологда, 20–21 апреля 2021 г.) / составитель Л. А. Юшкова. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. Т. 3. С. 147.

² Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. С. 139.

³ Жолковский А. К. «Я пью за военные астры...»: Поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 88.

ных славянских паронимазий – ...сближение глаголов... пить и пить»¹ в стихотворении «Зверинец»: пою — пью «вино времен». Характерно для О. Э. Мандельштама и сосуществование вина (винограда) и языка (поэзии) в рамках метафоры «*виноградное мясо стихов*» (о насыщенной и насыщающей поэзии Батюшкова, вдохновленной культурными достижениями итальянского Возрождения)².

Пересечение образов языка (включая созданную на нем литературу) и вина в мотиве приобщения к культуре опирается на характерное для многих зрелых культур слияние этих категорий в единый творческо-эмоциональный импульс. В качестве примеров отражения данного положения в литературе уместно упомянуть и произведения древнегреческих трагиков, диалог Платона «Пир», сочинения персидских поэтов (Омар Хайям, Хафиз Ширази), и творчество китайских поэтов династии Тан (Чэнь Тао, Ду Фу), и проч. Однако и для древних культур, и для культур Запада, и для культур Востока весьма характерна положительная оценка взаимодействия вина и творчества, вина и знания. Хорошее, с умом приготовленное и употребленное вино вдохновляет и наделяет мудростью. Настоящая поэзия, как хорошее вино, вкусна и ароматна, и потому опьяняет и насыщает.

Однако оценка объективных свойств вина (связанных с деформацией сознания) и последствий его чрезмерного употребления сформировала отрицательное отношение к нему в разных культурах и религиозных течениях. Литературной традиции, связанной с отображением отрицательных свойств вина и, соответственно, вина как средства отрицательной характеристики героя или пространства (в том числе культурного), О. Э. Мандельштам в контексте воссоздания образов отдельных культур также следует.

Более глубоко оценить функциональный смысл образов языка и вина в лирике О. Э. Мандельштама, обращенной к «чужим» культурам, позволит комментарий к особенностям вербализации данных образов в контексте обращений поэта к античной и немецкой культуре. Выбор данных культур продиктован отраженной в художественном и теоретическом творчестве О. Э. Мандельштама значимостью их вклада в мировую культуру. Критериями отбора текстов, посвященных каждой из культур, послужило наличие в них антропонимов (имен деятелей культуры, исторических деятелей), топонимов (названий стран, городов и других географических единиц), а также характерных для определенной культуры образов и мотивов.

Целесообразным в рамках данного исследования представляется использование широкого подхода к определению содержания понятий «образ языка» и «образ вина». Эстетические установки О. Э. Мандельштама обуславливают расширение границ понятия «образ языка» за счет включения в его лексико-семантическое содержание речевых средств, связанных с вербализацией не только образа речи и языка, но и образа литературы. Так, с реализацией образа языка будет связана мандельшта-

¹ Якобсон Р. О. Работы по поэтике / составление и общая редакция М. Л. Гаспарова. Москва: Прогресс, 1987. С. 35.

² Зубакина О. В. «Не ищущай чужих наречий...»: Итальянский язык у Батюшкова и Мандельштама // Русская антропологическая школа: Труды. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. Вып. 1. С. 132.

мовская оценка не только собственно лингвистических свойств языка, но и его культурно-исторической роли (базирующейся на реконструкции «чужих» художественных миров). Круг лексических средств реализации «образа вина», в свою очередь, получил расширение за счет использования понятия «вино» в качестве родового по отношению ко всем алкогольным напиткам (в том числе более крепким). Кроме того, к обозначениям алкогольных напитков у О. Э. Мандельштама примыкают мед и виноград. В еще более широком смысле к репрезентантам образа вина будут относиться лексемы, связанные с культурой приготовления и потребления алкогольных напитков (знаки, номинирующие процесс производства алкоголя; питьевые ритуалы; субъектов производства и потребления алкогольных напитков; вкус, аромат и цвет спиртного и проч.).

Отправная точка наших дальнейших рассуждений – тезис о том, что функционирование образов языка и вина в текстах, связанных с реализацией мотива приобщения к античной, грузинской и немецкой культуре, органично встраивается в постоянно актуализируемое в творчестве О. Э. Мандельштама противопоставление эллинистического и варварского начал. Хронотоп эллинистического начала при этом очерчивается границами Древней Греции, Рима, примыкающей к Средиземноморью культуре Черноморья и Кавказа. Хронотоп «варварского» начала можно обозначить как «германско-скандинавский». Противопоставление художественного пространства эллинистического и варварского начал опирается на связанные с традиционной оппозицией Север – Юг концепции зарубежных (в лице французской писательницы де Сталь) и отечественных (в лице В. В. Иванова) теоретиков литературы и поддерживается рядом семантических дихотомий: тепло – холод, покой – стихийность, замкнутость – беспредельность, созидательность – разрушительность, мягкость – грубость и др.¹

Признаками «эллинизма», очерченными в текстах О. Э. Мандельштама, сконцентрированными вокруг античной культуры, являются: южный климат, морской ландшафт; приятные глазу цветовые оттенки – бирюзовый, синий, зеленый; приятные вкусы, запахи и звуки («Золотистого меда струя из бутылки текла...», «Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград, / Где воздушным стеклом обливаются сонные горы...», «Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни...», «После чаю мы вышли в огромный коричневый сад...», «Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина / Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала...»). Перечисленные признаки формируют хронотоп земного рая, спокойного и блаженного пространства, располагающего к творчеству и рождающего лучшие образцы мировой культуры (см., например, строки об Ариосто: «И, словно музыкант на десяти цимбалах, / Не уставая рвать повествованья нить, / Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть, / Запутанный рассказ о рыцарских скандалах...»).

В свою очередь, признаки «варварства» в текстах, посвященных образу немецкой культуры, связаны с северным, холодным хронотопом: «холодный рейнвейн», «же-

¹ Майерс Д. Гете и Мандельштам: два эпизода из «Молодости Гете» // Столетие Мандельштама. Материалы симпозиума (Лондон, 1–5 июля 1991 г.) / под редакцией Р. Айзелвуда, Д. Майерс. Тинафли: Эрмитаж, 1994. С. 86.

стокая зима», «северные скальды грубы», «северным дружинам любви / Январь, пожары и пиры». «Германство» обладает стихийностью, воинственностью, разрушительной энергией («Сбегали в гроб ступеньками, без страха, / Как в погребок за кружкой мозельвейна...», «меня еще вербуют для новых чум, для семилетних боен...»). Звуки, сопровождающие «варварский» хронотоп – это шум, гул, рокот: «гудел стрельчатый лес органа», «шумела мельница», «песни урагана», «смеялся музыки голубоглазый хмель», «песня дикая», «лип рокошующие кроны», «шумели в первый раз германские дубы». О. Э. Мандельштам, с одной стороны, восхищается мужеством и храбростью германцев, с другой стороны – осознает опасность реализации деструктивно-гедонистического потенциала их нации¹.

Вину и языку в контексте данного противопоставления отведена особая роль. Для них О. Э. Мандельштам приберег самые меткие метафоры. Античное вино – это наука Эллады, культура виноделия, напиток, наделяющий мудростью и творческой энергией: «Золотистого меда струя из бутылки текла...», «Бахуса службы», «свежее вино», «Я сказал: виноград, как старинная битва, живет, / Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке...». Цитируемое стихотворение («Золотистого меда струя из бутылки текла...») дважды публиковалось под заглавием «Виноград», что в очередной раз подчеркивает значимость исследуемого образа не только в контексте данного стихотворения, но и в контексте всего творчества О. Э. Мандельштама. В исследуемом тексте тесно переплетаются реальные впечатления поэта от пребывания в Крыму и его ментальные впечатления от мира греческой культуры. Реальные впечатления нашли выражение в лексемах, связанных с описанием реального географического пространства, ландшафта, климата: «Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, / Мы совсем не скучаем...», «После чаю мы вышли в огромный коричневый сад...», «Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград...». Мир Эллады представлен во фрагментах, посвященных реконструкции эпизодов и образов античной мифологии: «Всюду Бахуса службы...», «Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, – / Не Елена – другая – как долго она вышивала?..», «Золотое руно, где же ты, золотое руно?..», «И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный...». Тесное соседство и пересечение лексем, входящих в лексико-семантические поля «Творчество» и «Виноделие», приводит к мысли о том, что вино в стихотворениях О. Э. Мандельштама, воссоздающих образ античной культуры, становится одновременно и объектом, и символом поэтического творчества.

Германское, варварское вино, наоборот – пьянящий напиток, способный активизировать разрушительную энергию «северных мужей»: «Холодного и чистого рейнвейна / Предложит нам жестокая зима. / В серебряном ведре нам предлагает стужа / Валгаллы белое вино, / И светлый образ северного мужа / Напоминает нам оно...»².

¹ Киришбаум Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 125.

² Майерс Д. Гете и Мандельштам: два эпизода из «Молодости Гете» // Столетие Мандельштама. Материалы симпозиума (Лондон, 1–5 июля 1991 г.) / под редакцией Р. Айзелвуда,

Негативные коннотации «винных» лексем формируются их лексическим окружением. См., например, впечатления от исполнения Шуберта в стихотворении «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»: «смеялся музыки голубоглазый хмель», «И сила страшная ночного возвращения – / Та песня дикая, как черное вино...». В данном примере «винные» лексемы находятся в окружении лексических единиц, вербализующих отрицательные эмоции (страх и смех). Германское «варварство» поддерживается эпитетами со значением темноты («ночное возвращенье», «черное вино»). Эпитет «дикая» по отношению к воспринимаемой «песне» также реализует семантику антикультурности, дикарства. В других стихотворениях О. Э. Мандельштама, связанных с реализацией «немецкой темы», «винные» лексемы соседствуют с лексемами с общим значением «огонь». См., например, «Бывало, голубой в стаканах пунш горит...» в стихотворении «Декабрист» или «И северным дружинам любви / Янтарь, пожары и пиры...» в стихотворении «Когда на площадях и в тишине келейной...».

Функциональный смысл образа языка в стихотворениях О. Э. Мандельштама, посвященных реконструкции пространства «чужой» культуры, заслуживает не менее подробного комментария.

Открытое восхищение певучестью, плавностью музыкального итальянского языка О. Э. Мандельштам высказывает в стихотворении «Ариост»: «А я люблю его неистовый досуг – / Язык бессмысленный, язык солено-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг...». Упоение О. Э. Мандельштама итальянским языком Ариосто, Петрарки, Тасса проявляется и в фонетической организации речи (аллитерации плавных сонорных звуков [м], [н], [л]), и в выбранных для определения языка эпитетах («язык солено-сладкий», «прелестные двойчатки»), и в семантике их лексического окружения, формируемого «южным», располагающим к творчеству, хронотопом («лазурь», «черноморье», «мед», «жемчуг» и др.).

Те же приемы поэт использует и при создании образа немецкого языка. «Немецкие» стихотворения исполнены непривычных русскому уху звуковых сочетаний, имитирующих труднопроизносимость немецких сочетаний согласных (то, что в «Разговоре о Данте» О. Э. Мандельштам называл «германской шипучестью»): «Звук сузился, слова шипят, бунтуют, / Но ты живешь, и я с тобой спокоен». Многократно подчеркивает стихийность, воинствующую энергию, бунтующий характер немецкого языка: «Слагались гимны, кони гарцевали и, словно буквы, прыгали на месте». В центре цитируемого стихотворения «К немецкой речи» образ поэта-воина Х. Клейста, которого можно воспринимать как персонификацию немецкого языка и немецкой культуры. Стихотворение в целом и финальные строфы в особенности убеждают нас в том, что О. Э. Мандельштам, оценивая особенности немецкого языка, постоянно отождествляет свойства немецкого языка и черты характера («поучимся серьезно-

сти и чести»), действия представителей немецкой («шипят, бунтуют») нации, ее историю («для новых чум, для семилетних боен»)¹.

Собственный творческий путь и путь русской литературы и культуры О. Э. Мандельштам периодически соотносит то с эллинистическим началом, то с германским, варварским. Иногда поэт пытается найти компромисс между ними, подчеркивая синтетический характер русской культуры (установка на соединение культурных достижений Европы). В контексте данной установки образы языка и вина также играют заметную роль. Славяно-германское родство актуализируется, например, в строках стихотворения «Зверинец: «А я пою вино времен – / Источник речи итальянской – / И в колыбели праарийской / Славянский и германский лён!..» и в отсылающем к А. С. Пушкину «голубом пунше» из стихотворения «Декабрист». Родство русской культуры с эллинистической подчеркивается в исследовательских статьях О. Э. Мандельштама («Русский язык — язык эллинистический...»); снова через фигуру А. С. Пушкина (но на этот раз имплицитно) в стихотворении «Ариост» («Любезный Ариост, быть может, век пройдет — / В одно широкое и братское лазорье / Сольем твою лазурь и наше черноморье. /... И мы бывали там. И мы там пили мед...»), а также через образ Г. Р. Державина, наслаждающегося мускатом «на язык, на вкус, на цвет» в «Стихах о русской поэзии». Вопрос о путях развития, адекватных русской культуре, остается трагически открытым, о чем свидетельствуют финальные строки стихотворения «Декабрист»: «Все перепуталось, и некому сказать, / Что, постепенно холодея, / Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лорелея».

Выводы

Результаты настоящего исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Образы языка и вина в текстах О. Э. Мандельштама, воссоздающих художественное пространство «чужой» культуры, тесно переплетены. Их объединяет центральный мотив лирики Мандельштама – мотив приобщения к мировой культуре. При этом дегустация вина воплощает материальный аспект приобщения к культуре, а «дегустация» слов «чужого» языка символизирует ментальное приобщение.

2. Оба объекта описания (язык и вино) оказываются культурно-значимыми для поэта. Об этом говорит частая повторяемость данных образов при создании пространства той или иной художественной культуры (что составляет основу мандельштамовской поэтики).

3. Образы языка и вина оказываются важными культурными маркерами в системе культурософских медитаций О. Э. Мандельштама, о чем говорит их включение в крупное противопоставление «эллинизм» – «варварство», регулярно актуализируемое в творчестве поэта.

¹ Голубева А. А. Репрезентация национально-культурного своеобразия языков мира в лирике О. Э. Мандельштама // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции (Ижевск, 28 ноября 2022 г.) / составитель Л. А. Юшкова. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2022. С. 238.

4. Данные образы вербализуются при помощи похожих речевых средств: чаще всего О. Э. Мандельштам использует фонетические (звукопись) и лексические стилистические приемы (эпитет и метафора).

5. Уникальность поэтики О. Э. Мандельштама заключается в том, что при воссоздании пространства «чужой» культуры поэт опирается не только на собственные впечатления от ее восприятия. Часто поэт оценивает культуру, опираясь на уже сформировавшуюся в русской литературе традицию (главным образом, в лице К. Н. Батюшкова).

6. Оценка образов языка и вина в контексте формирования культурологических концепций О. Э. Мандельштама сопряжена с проблемой выбора путей развития русской литературы и выбора личного творческого пути поэта.

Список источников

Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. Москва: Советский писатель, 1989. 494 с.

Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. 136 с.

Гаспаров М. Л. Избранные статьи. О стихе. О стихах. О поэтах. Москва: Новое литературное обозрение, 1995. 478 с.

Голубева А. А. Образ национальной культуры в поэзии О. Э. Мандельштама // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции: в 3 т. (Вологда, 20–21 апреля 2021 г.). / под редакцией С. Ф. Митенева. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. Т. 3. С. 146–148.

Голубева А. А. Репрезентация национально-культурного своеобразия языков мира в лирике О. Э. Мандельштама // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции (Ижевск, 28 ноября 2022 г.) / составитель Л. А. Юшкова. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2022. С. 236–240.

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. 407 с.

Жолковский А. К. «Я пью за военные астры...»: Поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 60–82.

Зубакина О. В. «Не искушай чужих наречий...»: Итальянский язык у Батюшкова и Мандельштама // Русская антропологическая школа: Труды. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. Вып. 1. С. 125–137.

Киришбаум Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

Майерс Д. Гете и Мандельштам: два эпизода из «Молодости Гете» // Столетие Мандельштама. Материалы симпозиума (Лондон, 1–5 июля 1991 г.) / под редакцией Р. Айзелвуда, Д. Майерс. Тинафли: Эрмитаж, 1994. С. 86–99.

Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–178.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. Т. 2. 1993. 704 с.

Якобсон Р. О. Работы по поэтике / составление и общая редакция М. Л. Гаспарова. Москва: Прогресс, 1987. 464 с.

References

Berkovskii N. Ia. *Mir, sozdavaemyi literaturoi* [The world created by literature]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1989. 494 p.

Breeva T. N. *Khudozhestvennyi mir Osipa Mandel'shtama* [Artistic world of Osip Mandelstam]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2013. 136 p.

Gasparov M. L. *Izbrannye stat'i. O stikhe. O stikhakh. O poetakh* [Selected articles. About verse. On verses. About poets]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. 478 p.

Golubeva A. A. *Obraz natsional'noi kul'tury v poezii O. E. Mandel'shtama* [Image of national culture in the poetry of O. E. Mandelstam]. *Molodye issledovateli – regionam: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 3 t. (Vologda, 20–21 apreliia 2021 g.)* [Young researchers to the regions: Proceedings of the International Scientific Conference: in 3 vol. (Vologda, 20–21 April 2021); ed. by S. F. Mitenev]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2021, vol. 3, pp. 146–148.

Golubeva A. A. *Reprezentatsiia natsional'no-kul'turnogo svoeobraziiia iazykov mira v lirike O. E. Mandel'shtama* [Representation of the national-cultural uniqueness of the world languages in the lyrics of O. E. Mandelstam]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviia v kontekste mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva: Opyt i perspektivy: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Izhevsk, 28 noiabria 2022 g.)* [Strategies of intercultural interaction in the context of the world educational space: Experience and prospects: Proceedings of the IX International research and practice conference (Izhevsk, 28 November 2022); compiled by L. A. Yushkova]. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, 2022, pp. 236–240.

Zhirumskii V. M. *Teoriia literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka, 1977. 407 p.

Zholkovskii A. K. “Ia p'iu za voennye astry...”: Poeticheskii avtoportret Mandel'shtama [“I drink to the military asters...”: Mandelstam's poetic self-portrait]. *Zholkovskii A. K. Izbrannye stat'i o russkoi poezii: Invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Zholkovsky A. K. Selected articles on Russian poetry: invariants, structures, strategies, intertexts]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2005, pp. 60–82.

Zubakina O. V. “Ne iskushai chuzhikh narechii...”: Ital'ianskii iazyk u Batiushkova i Mandel'shtama [“Don't tempt alien dialects...”: Italian language in Batiushkov and Mandelstam]. *Russkaia antropologicheskaiia shkola: Trudy* [Russian Anthropological School: Proceedings]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2004, vol. 1, pp. 125–137.

Kirshbaum G. “Valgally beloe vino...”: Nemetskaia tema v poezii O. Mandel'shtama [“Valhalla white wine...”: German theme in the poetry of O. Mandelstam]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 392 p.

Maiers D. *Gete i Mandel'shtam: dva epizoda iz “Molodosti Gete”* [Goethe and Mandelstam: two episodes from “Goethe's Youth”]. *Stoletie Mandel'shtama. Materialy simpoziuma (London, 1–5 iuliia 1991 g.)* [Mandelstam's Centenary. Proceedings of the symposium (London, 1–5 July 1991); ed. by R. Ayzelvud, D. Mayers]. Tifl: Ermitazh, 1994, pp. 86–99.

Mandel'shtam E. E. *Vospominaniia* [Memories]. *Novyi mir* [New World], 1995, no. 10, pp. 119–178.

Mandel'shtam O. E. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vol.]. Moscow: Art-Biznes-Tsentr, 1993–1999, vol. 2. 1993. 704 p.

Iakobson R. O. *Raboty po poetike* [Works on Poetics; ed. by M. L. Gasparov]. Moscow: Progress, 1987. 464 p.

Сведения об авторе

Анастасия Анатольевна Голубева – специалист по учебно-методической работе кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, <https://orcid.org/0009-0000-7024-333X>, nastyagolubeva.1999@mail.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Anastasia A. Golubeva** – Teaching and Learning Specialist, the Department of the Russian Language, Journalism and Theory of Communication, <https://orcid.org/0009-0000-7024-333X>, nastyagolubeva.1999@mail.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; Approved after reviewing 08.12.2023; Accepted for publication 25.12.2023.